

внимательно прочитали те произведения древнерусской литературы, которые они иллюстрировали, схватили основные моменты их содержания, знали, что именно надо изобразить для раскрытия идеи данного произведения и что можно опустить.

Все это особенно убедительно доказывается росписями на сюжет Повести о новгородском белом клобуке. Несмотря на то, что эта Повесть велика по объему и сложна по содержанию, художник иллюстрировал ее исключительно живописными средствами, не прибегая к надписям.¹ Он, очевидно, хорошо знал не только содержание самой Повести, но и послесловие к ней — «Написание архиепископа Геннадия»; в «Написании» говорится о двух основных элементах содержания Повести о белом клобуке, в которых сообщается о «сотворении» и о прибытии его на Русь. Этим основным, определяющим сюжет Повести частям художник и посвятил свои росписи, уделив тому, что в «Написании» названо «прочим», несенным в это произведение позднее, самим Геннадием, минимальное внимание.² Такому замыслу художника подчинено и хорошо продуманное расположение иллюстраций Повести о белом клобуке на правой стене южной части галереи-паперти. Девять из них, посвященных первой части Повести, он расположил на шести плохо освещаемых смежных простенках и люнетах над ними. Далее следует узкая полоса над широким проемом двери — своего рода «мост», соединяющий обе части стены. Здесь художник поместил два небольших изображения, иллюстрирующих по одному эпизоду из второй и третьей частей Повести, также связывающих ее первую часть с последней. Эту заключительную часть Повести о белом клобуке, описывающую прибытие на Русь религиозной реликвии, которой в Повести приписывается мировое значение, художник поместил в самом лучшем, самом светлом месте. Он хорошо понял значение финала Повести, в котором описывается встреча белого клобука, как факта перехода в нашу страну всей полноты мирового религиозного и политического значения «ветхого» и «нового» Рима. Так громко и торжественно зазвучала на фресках Воскресенского собора доктрина «Москвы — третьего Рима».

Важно отметить, что росписи на сюжеты древнерусской литературы на паперти Воскресенского собора не изолированы друг от друга, но образуют своеобразный «остров» среди основной массы фресок на темы книг религиозно-нравоучительной литературы. В светлом юго-западном углу галереи-паперти смыкаются циклы иллюстраций Повести о белом клобуке и корсунской легенды; здесь же, в амбразурах окон — изображения московских князей Даниила Александровича, Ивана Калиты, Дмитрия Красного. Так чаще всего бывает в рукописных сборниках XVII века, в которых среди самого разнообразного по содержанию и происхождению материала попадают обычно не по одиночке, а группами произведения древнерусской литературы, тематически связанные друг с другом. Все это говорит о тесной связи русского изобразительного искусства XVII века с древнерусской книжностью.

Историкам древнерусской литературы необходимо заняться тщательным изучением настенных росписей церковей XVII века. Искусствоведами эти росписи изучены достаточно хорошо, и о них написано немало серьезных исследований. Однако вопросы отражения в этих росписях сюжетов, почерпнутых не из библейских книг или апокрифической литературы, а из русской историографии и литературы, не нашли в этих работах почти

¹ Имеющиеся на некоторых изображениях этого цикла надписи — позднейшего происхождения.

² Текст «Написания архиепископа Геннадия» опубликован в IX томе «Трудов ОДРЛ».